

БИРЕНБАУМ Я. Г.

## К ТЕОРИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(На материале английского языка)

Содержание понятий сложного (СП), сложносочиненного (ССП) и сложноподчиненного (СПП) предложений меняется в зависимости от исходных постулатов теории. СП образуется в результате взаимодействия нескольких предложений. При этом, как известно, СП отличается от простого предложения не сложностью выражаемой в нем мысли, а грамматически (хотя исторически оно возникло из потребности выражения и обычно действительно выражает более сложную мысль). Т. П. Ломтев писал: «Сложное предложение остается сложным до тех пор, пока в него входят разные предложения; как только одно из них перестает быть предложением, сложное предложение перестает быть сложным, ср. *он читал газеты, которые были получены вчера вечером и он читал газеты, полученные вчера вечером*» [1]. В традиционной для советских синтаксистов концепции причастные обороты могут быть синонимичными придаточному предложению (ПП). Однако такие обороты предложением все же не считаются, причем обычно указывается, что их включение в более высокую синтаксическую единицу не превращает последнюю в СП. Известна также и точка зрения на зависимые причастные, герундиальные и инфинитивные построения как на сокращенные ПП (ср. термины «elliptical», «abridged», «truncated», «undeveloped», «verbid sub-clauses» у Г. Поутсма, Дж. Кёрма, М. Брайант, Р. Б. Лонга, Р. А. Гудзона и др.). В трансформационной грамматике даже атрибутивно-именное сочетание расценивается как исходное предложение (глубинное S), так что почти любое распространенное предложение считается сложным.

Для обоснования утвердившегося в нашем синтаксисе понимания СП необходимо отграничить предложение от построений с неличными формами. Для этого мы предлагаем понятие канонической аранжировки подлежащего и сказуемого и понятие базы. Вслед за представителями Пражской лингвистической школы и рядом советских ученых (например, И. П. Распоповым, В. З. Панфиловым, В. А. Белашапковой, Г. Г. Почепцовым) мы выделяем два аспекта (уровня) в синтаксисе предложения — внутренний (конструктивный, синтаксический) и внешний (коммуникативный, актуальный). С точки зрения синтаксического уровня предложение рассматривается как абстрактная модель, парадигматически сопоставимая с другими моделями, как строительный материал для создания коммуникативных единиц предложения. Последние принадлежат к актуальному уровню и служат актуализованными информационно-речевыми частями сообщения. В них конструктивное ядро изменяется в соответствии с конкретными задачами и условиями речевого акта и под влиянием окружающего контекста. Актуальный уровень предложения включает актуальное членение, коммуникативную установку высказывания (повествование, вопрос, побуждение, пожелание), эмотивность.

Каноническая аранжировка — это сочетание подлежащего, выраженного именем в именительном падеже, и сказуемого, выраженного согласующейся с ним личной формой глагола. С точки зрения синтаксического аспекта каноническая аранжировка является основой предложения и более широкого понятия базы. Кроме простых предложений и частей СП, базы включают построения с неличными формами глагола и некоторые другие конструкции. База — это единица, сопоставимая с *nexus*'ом у О. Есперсена, глубинным маркером S в трансформационной грамматике, различными

транспозициями (трансляциями) предложения у Ш. Балли и Ж. Теньера, группами, замыкающимися на предикативную (ядерную и неядерную) связь, у А. М. Мухина. Но эта единица не логическая и не глубинно-семантическая, а структурная, «поверхностная». Все связи и узлы (дополнения, обстоятельства и проч.) в дереве базы аналогичны тем, которые представлены в простом предложении. Правда, подлежащее и сказуемое могут быть выражены иначе, но содержание связи между ними такое же, как и в соответствующих моделях простого предложения. Необходимость понятия базы в синтаксисе вытекает из того, что любой зависимый член предложения обнаруживается не только в простом предложении или в части сложного, но и в инфинитивном, причастном обороте и других образованиях, причисляемых к базам. Базы — это максимальные (членные, рамочные) синтаксические единицы, в составе которых выделяются члены предложения. Таким образом, мы предлагаем расширенное понимание как подлежащего, которое не обязательно выражается именительным падежом, так и сказуемого, которое не всегда выражается *verbum finitum*. Различного рода подлежащие и сказуемые маркируются индексами, указывающими на ранг образуемой ими базы. Предварительно, до более подробной разработки этой проблемы, мы отмечаем для современного английского литературного языка три свойства базы: в ней возможно лишь одно отрицание и одно неударное возвратное местоимение, от нее может зависеть сравнительное *III*. Ранг базы определяется степенью преобразования ее конструктивного ядра, степенью «ущемления» канонической аранжировки. «Неущемленная» каноническая аранжировка ( $N_{nom} + V_{fin}$ ) возможна в базах нулевого и первого рангов. К базам нулевого ранга относится простое предложение, любая часть ССП, главное предложение (ГП) в составе СПП и часть так называемого слитного предложения, т. е. одна из нескольких групп сказуемого, которые относятся к одному подлежащему. Базы нулевого ранга отличаются от баз иного ранга тем, что в них возможны и неканонические аранжировки, например, побудительные, номинативные, инфинитивные, междометные предложения, утверждения и отрицания, формулы вежливости (*good bye!*), парно-симметричные высказывания (*no honey, no honey!*) и некот. др. Событие в таких конструкциях передается не в расчлененной (подлежащно-сказуемостной) форме, а глобально: оно только называется, а выделяться могут лишь некоторые грамматические координаты, актуализирующие понятие о событии [2]. Неканонические аранжировки ориентируются на каноническую форму как на исходную, как на инвариант парадигмы [3]. Многие ученые (например, Л. С. Бархударов [4]) расценивают одноставные предложения как двусоставные с нулем одного из главных членов. Такой подход оправдан статистической весомостью канонической аранжировки. В канонической аранжировке в базах нулевого и первого ранга основные синтаксические категории (они нередко рассматриваются в качестве компонентов конституирующей основы предложения — предикативности) получают закрепившееся морфологическое выражение (время, наклонение, согласование в лице, числе, роде) [5].

Ключевая роль канонической аранжировки в синтаксисе баз не является особенностью только английского языка. В любом языке она служит средством связи языка и мышления, предложения и выражаемой им мысли, в частности, суждения. Обычно подлежащее (группа подлежащего) выражает субъект суждения, а сказуемое — предикат. П. В. Чесновков указывает, что мысль, заключенная в предложении, двучленна. Это вытекает из вторичности мышления по отношению к бытию и опосредованного характера отражения бытия в мысли: «...логема не может относить свое содержание непосредственно к предмету. Поэтому в ней выделяется часть, которая не просто отражает этот предмет, а выступает в качестве его „представителя“ в мысли, его идеального „двойника“. Этой части противопоставляется другая часть, которая содержит то, что мы относим к предмету, раскрывая одну из его сторон. Вторая часть должна всегда противопоставляться первой так, как если бы она противостояла самому предмету. Благодаря этому первая часть и мыслится как „представитель“

предмета, как его „двойник“. Это значит, что мыслится ее соответствие самому предмету и существование последнего» [6].

Двучленное предикативное отношение порождается не особенностью строя предложения в том или ином языке, а сущностью самого мышления, так что оно характерно для содержания предложения любого языка. В европейской лингвистической традиции грамматика развивалась в тесном единстве с логикой, и семантические отношения компонентов предложения находились в центре внимания. Подлежаще-сказуемая модель с классических времен выделялась как основа предложения (ср., например, классический русский синтаксис, трансформационную грамматику, теорию универсалий). Каноническая аранжировка служит формальной базой актуального членения высказывания. Имя-подлежащее можно рассматривать как исторически отстоявшееся и наиболее типичное выражение темы, а глагол-сказуемое — как выражение ремы.

Функционирование неканонических аранжировок связано с компенсационным увеличением роли интонации, паралингвистических средств и констатиции. Но такая компенсация в современном английском языке допустима только в базах нулевого ранга, поскольку только эти базы служат единицами актуального уровня (в них синтаксический и актуальный уровни совпадают).

К базам первого ранга в английском языке мы относим только ПП. В них каноническая аранжировка выступает, как и в нулевых базах, только в «неущемленном» виде, но недопустимы неканонические аранжировки. Этим английское ПП отличается от русского или французского, в которых возможны односоставные ПП: «*Когда май, все цветет; Если уже полдень, давай обедать; Занятия в школе прерваны, так как камулы*» [7, 8]; *Je crois que oui; Je suis sûr que non; J'espère que si; Si oui, je vous attendrai à neuf heures; le livre que voici* [9].

В английском языке некоторым из таких ПП соответствуют простые предложения: *I think so; the book here*, а другим — свернутые ПП, которые встречаются в английском языке значительно чаще, чем в других европейских языках. Способность к свертыванию — это одна из основных характеристик баз первого ранга. Свернутые варианты канонической аранжировки (например, *as he, than yesterday, as if to help him, while reading, if necessary, though tired, because young, unless asked, what to do*) расцениваются либо как эллиптические ПП, либо как построения с подчинительным союзом (союзным словом) в простом предложении. Некоторым французским примерам, приведенным выше, в английском соответствуют свертывания: *if so (if it is so), I think not (I think that it is not)*, а другим — предложения с прямой речью, т. е. с базами нулевого ранга, а не ПП: *In about half an hour he came to the window and waved his hand. It meant yes; Can't you thank her and say no?* Свернутые ПП могут совпадать с неканоническими аранжировками нулевых баз, но при сопоставлении омоструктур мы убеждаемся в их семантическом различии, так что их невозможно считать одной и той же моделью. Сопоставим следующие фразы:

Базы первого ранга	Базы нулевого ранга
<i>He did not know what to say</i>	<i>What to say!</i>
<i>He would smile when speaking</i>	<i>Speaking?</i>
<i>He was obstinate as a pig</i>	<i>Pig!</i>

Как и базы более высокого ранга, ПП не могут передавать коммуникативную установку сообщения, — она всегда содержится в ГП, т. е. СПП монокоммуникативно [10]. Отдельные примеры с побудительными и вопросительными ПП мы считаем контаминацией прямой и косвенной речи (ср. предложения типа *Он мне сказал, что приходи, мол, завтра*, которые В. А. Белошапкова [11, с. 100] расценивает как пенормативные).

Как уже говорилось, для баз второго и последующих рангов возможна исключительно каноническая аранжировка подлежащего и сказуемого, но при этом такая аранжировка обычно всегда «ущемляется». Согласно предлагаемой нами для современного английского языка шкалы, *verbum*

finitum (начиная с баз второго ранга) и имя в именительном падеже (начиная с баз третьего ранга) изменяются в соответствии со своим «коэффициентом ущербности». Чем выше ранг базы, тем более она отдалается от простого предложения с его морфологически выраженной сказуемостью и приближается к сочетанию слов, не образующему базу. Но даже базы самого высокого ранга можно представить как предложение, построенное по модели частей речи и подчиненных им членов предложения. Базы высшего (седьмого) ранга представляют собой переходные конструкции к «небазам». До третьего ранга базы имеют эксплицитное внутреннее подлежащее<sup>1</sup>, у баз пятого и шестого рангов подлежащее отсутствует<sup>2</sup> — оно восполняется из конситуации, а у баз четвертого ранга подлежащее слитное, т. е. одновременно служит каким-то членом предложения в предшествующей базе и связывает этим обе базы.

В предлагаемой нами модели канонической аранжировке отводится ключевая роль. От нее возможны или необходимы три различных вида отклонений: в базах нулевого ранга возможны неканонические аранжировки; в базах первого ранга — свертывания; в базах второго и последующих рангов каноническая аранжировка всегда выступает в «ущемленном» виде. В базах первого и более высоких рангов невозможны неканонические аранжировки. Свернутые варианты канонической аранжировки недопустимы в базах нулевого ранга и от второго до седьмого рангов. «Ущемление» канонической аранжировки не имеет места в базах нулевого и первого рангов.

Базы, которые могут содержать «неущемленную» каноническую аранжировку, называются предикативными единицами (ПЕ), а в английской грамматической традиции «clause». Л. Л. Иофик [12] определяет ПЕ как структурное единство, образуемое подлежащим и сказуемым, связанными предикативным отношением. Ясно, что это единица не актуального, а синтаксического уровня, а поэтому она характеризуется не предикативностью и модальностью, а сказуемостью. Ее правильнее было бы называть «сказуемостная единица», но вряд ли целесообразно изменять уже закрепившийся термин.

Самостоятельное употребление предложения возможно только в исключительных случаях, например, в лозунгах, надписях на рекламах, карикатурах и подобных неординарных видах коммуникации. Обычно же предложение составляет органическую часть связанного текста (монологического, диалогического или полилогического), где одно предложение сцепляется с другим содержательно, а содержательная связь обязательно находит более или менее эксплицитную формальную поддержку. Формальные связи могут быть весьма нежесткими [ср., например, местоименное или иное замещение в последующем (реже предыдущем) предложении, референтную или сигнификативную отнесенность, которая не ясна без корреляции с другим предложением; употребление определенного артикля, оправданного лишь тем, что предмет или понятие были ранее уже упомянуты, и т. д.]. Даже при наличии сигналов, специализировавшихся для связи предложений или их частей, например, союзов (сочинительных или подчинительных), союзных наречий типа *moreover*, *besides*, *however*, *nevertheless*, выражений типа *on the other hand*, *finally*, *to begin with*, трудно отграничить СП от связанных между собой самостоятельных предложений, образующих сверхфразовое единство, абзац, сложное синтаксическое целое (*discourse*, *sentence sequence*) или иную единицу гиперсинтаксиса. Лингвист-иностранец, изучающий неродной язык, обычно ориентируется на письменный текст. В тексте предложения с сигналами связи типа перечисленных сплось и рядом включаются в речевой отрезок между двумя пунктуационными знаками конца предложения или, наоборот, разделяются такими знаками. Расстановка знаков препинания определяется культурно-исторической традицией, которая четко не регламентирована в английском языке даже в наше время.

<sup>1</sup> Мы называем такие базы комплексами.

<sup>2</sup> Такие базы с неличными глагольными формами мы называем полуконструкциями.

Кроме того, употребление пунктуационных знаков зависит от замысла автора и других лингвистических факторов [12, 13].

Принципиально СП — это синтаксическая форма, которая, как любое предложение, выражает сообщение, осуществляет один акт коммуникации. Формально оно отличается от простого предложения тем, что включает более одной ПЕ и выражает какое-то отношение между событиями. Точно так же, как конституирующим признаком простого предложения (или ПЕ) является предикативный узел, а конкретнее — сказуемое, конституирующим признаком СП, согласно М. И. Черемисиной [14], является показатель связи частей, в первую очередь коннектор или конъюнктор<sup>3</sup>. Это понимание отражено в дефиниции СП у Л. Ю. Максимова, который считает, что СП — это синтаксическая коммуникативная единица высшего, по сравнению с простым предложением, порядка, которая может быть интерпретирована как функционально и структурно оформленное объединение моделей простых предложений, предназначенное для выражения специфических грамматических отношений между соответствующими объединяемыми смыслами [15].

В связи с определением границ СП необходимо решить две проблемы: 1) статус ССП и 2) возможность парцелляции III.

Намечаются два решения первой проблемы. Л. Л. Иофик [12, с. 126; 16] не признает существования ССП в английском языке вообще. Она пишет, что не все отрезки текста между точками или равноценными знаками препинания являются предложениями. Если они состоят из двух и более структур с признаками предложения, не связанных друг с другом средствами подчинения, то перед нами не одно предложение, а серия самостоятельных предложений. С точки зрения Л. Л. Иофик, объединение нескольких предложений между конечными знаками препинания при отсутствии лингвистически выраженной подчинительной связи — это единство не синтаксическое, а контекстуальное (смысловое) и пунктуационное. Подробно проанализировав все средства связи между самостоятельными предложениями и частями традиционного ССП (сочинительные союзы, анафорические местоимения и наречия, союзные наречия типа *however*, интонацию и т. д.), Л. Л. Иофик не находит между ними никакой разницы, как бы они ни оформлялись на письме. Другие авторы выступают не столь радикально, но сомневаются в том, что ССП — это подлинное предложение (например, Э. Сепир, В. А. Богородицкий, Ш. Балли, Ч. Фриз, Л. С. Бархударов, Г. В. Колшанский и др.). Действительно, сочинительная связь невозможна без соподчинения связываемых ею элементов. Поскольку части ССП не подчинены никакому господствующему над ними члену, они не могут связываться сочинительной связью.

Такой подход, однако, вызывает трудности: в связи с тем, что грань между ССП и СПП весьма подвижна, отрицая существование ССП, мы тем самым отрицаем существование и СП вообще. Большинство лингвистов относит к СПП любой речевой отрезок, включая набор ПЕ, связанных с помощью сочинительных союзов или бессоюзно, если он находится между двумя финальными знаками препинания.

Представляется, что решение controversy о существовании ССП лежит в различном истолковании его на синтаксическом и актуальном уровнях. Согласно интерпретации в актуальном аспекте, ССП — это единство, актуализируемое самим говорящим. В синтаксическом аспекте ССП предстает как набор отдельных предложений. Что касается сходства средств связи между частями ССП и между однородными членами предложения, то оно объясняется экстраполяцией сочинительных связей на

<sup>3</sup> Коннекторами мы называем подчинительные союзы (семантические и асемантические) и их эквиваленты в составе III, обычно используемые для его связи с ГП, т. е. союзные и относительные местоимения и наречия. Конъюнкторы — это сочинительные союзы и их эквиваленты.

уровень предложения, где для них нет структурных оснований<sup>4</sup>. Синтаксис языка не может не быть изоморфным в различных конструкциях, обслуживаемых им. Связи между ПЕ не могут быть чем-то принципиально иным по сравнению со связями внутри ПЕ или другой базы. Синтаксические и смысловые отношения между компонентами СП «той же природы, что и отношения между словоформами, соединяющимися в составе словосочетаний или в составе открытых и закрытых рядов словоформ в простом предложении, но имеют иную систему средств выражения, лишь частично совпадающую с системой средств выражения отношений между словоформами» [19].

СПП, в отличие от ССП, является не только речевым единством на актуальном уровне, но и языковой единицей на синтаксическом уровне, т. к. располагает специальными структурными средствами подчинения ПП определенному центру подчинения в составе ГП. Сложноподчиненным мы считаем такое предложение, которое включает хотя бы одно ПП [20], причем, если отбросить ПП, то вообще не будет никакого СП [21]. ПП является конститuentом целого [22] или, как писал Ф. Ф. Фортунатов [23], «образуется не само для себя, но для другого предложения». Обобщая исследования ведущих советских синтаксистов, можно отметить следующие особенности СПП: а) наличие по меньшей мере двух единиц одного порядка, построенных по тем же моделям, что и предложение (или база); б) смысловая, структурно-грамматическая и интонационная связь этих единиц, которая проявляется в их смысловой (синсемантия) и формальной несамостоятельности (в случае изоляции) и наличии специальных средств связи (в первую очередь союзов и их эквивалентов), что отличает их от последовательности самостоятельных предложений; в) неравноценность этих единиц в формально-структурном плане (одна из них подчинена другой); г) ведущая роль предикативности (модального, временного плана и ориентации на коммуникантов) господствующей единицы.

Для структуры СПП существенно наличие ПП, а ГП может быть выражено любой базой, несмотря на то, что оно называется предложением. Эта непоследовательность обычно даже не оговаривается, настолько важнее последний член при противопоставлении ГП — ПП: *He was a man as courageous as I was*. Конституирующая роль ПП в СПП отражена в вековой традиции европейских грамматик, где СПП выделяются и классифицируются по ПП и характеру его связи с ГП. Парадокс, что в СПП ведущую роль играет не главная, а подчиненная часть [24], только кажущийся. Любой зависимый компонент конструкции определяет ее сущность [25]. Постановка ПП в центр изучения СПП вовсе не предполагает игнорирования ГП и всего СПП. ГП имеет свои особенности и классификацию, без учета которых невозможно оценить ни СПП, ни сами ПП. Но в основу изучения СПП, в силу их детерминирующей позиции, следует положить ПП (ср. дискуссию на эту тему на X Международном лингвистическом конгрессе [26]).

Для современного английского языка ПП — это подчиненная база, конституируемая двумя дифференциальными признаками: (а) «неущемленной» и несвернутой канонической аранжировкой подлежащего и сказуемого; (б) наличием коннектора. Эти ДП отграничивают ПП от баз более высокого ранга. Обычно (68,3% в выборке из 13 500 СПП) ПП характеризуется обоими признаками. Бессоюзные ПП (23,9%) имеют только второй дифференциальный признак, а свернутые ПП — только первый (7,7%). Специфика английского ПП заключается в том, что один из описываемых двух дифференциальных признаков практически всегда восполняет отсутствие второго: если ПП бессоюзно, то его структурную основу составляет несвернутая каноническая аранжировка (а),

<sup>4</sup> Л. Н. Мурзин [17] и Е. Н. Ширяев считают, что ПЕ в составе ССП потенциально подчинены более высокой ПЕ, в рамках которой они всегда могут выступать в качестве однородных соподчиненных ПП. Это другой способ транспонирования сочинительных связей. Е. В. Падучева [18] считает, что сочинительные союзы подчиняют себе любые из связываемых ими элементов.

а если ПП свернуто до союзного оборота, то оно обязательно вводится коннектором (b): (a) *I'm so excited, I simply can't say a word*; (b) *This city, if not the largest in the country, is still an important one*. Исключения, т. е. свернутые ПП без коннектора, составляют только 0,1%. Это изъяснительные ПП в отстоявшихся формулах: «I + глагол умственной оценки (hope, think, suppose, believe, am afraid) + not», например, «*Shall we do it? — I suppose not*». Они тесно связаны с элементами пространства вводимости [27] в абсолютном употреблении: *certainly not, happily not*. Эти редкие исключения не могут опровергнуть предлагаемое для современного английского языка определение ПП, а, следовательно, и СПП.

Статус парцеллированных ПП решается в тех же терминах, что и статус ССП, но решение это прямо противоположное. Если вводимая коннектором ПЕ отделена конечными знаками препинания, она остается ПП, а целое, разделенное пунктуационно на две части, остается СПП: *Did you ever like to play with a doll? When you were my age, I mean*. СПП располагает отстоявшимися средствами подчинения, обслуживающими исключительно этот вид СП, поэтому большинство авторов считает маркеры синтаксического уровня более релевантными, чем маркеры актуального уровня, и расценивают ПЕ с коннектором, отделенным точкой, вопросительным или восклицательным знаком, не как самостоятельное предложение, а как ПП (например, Г. Суит, Г. Поутсма, Г. Глисон, И. Носек, А. М. Пешковский, Б. А. Ильин и др.). Парцелляция — это разрыв одной единицы синтаксического уровня на две единицы актуального уровня в связи с рематизацией и повышенной эмоциональностью [11, с. 26—28]. Парцелляция — это речевой разрыв. Если же ПП приобретает особое, отстоявшееся в языке значение, то образуется новая модель, в которой коннектор перестает служить средством связи и приближается к модальному элементу самостоятельного предложения. В этом случае и на синтаксическом уровне образуется два предложения, из которых одно сохраняет форму ПП, но по содержанию уже ПП не является. При разрушении СПП происходит сепаратизация: *I am so much afraid. Oh, that I were a man!*

Итак, ни парцеллированное ПП, ни ССП не являются отдельными предложениями в рамках синтаксического уровня. Интонация и финальные знаки препинания служат специальными средствами членения поверхностной структуры при неизменной глубинной структуре. Парцеллированное ПП — это вычлененная часть СП, противопоставленная не структурно господствующему слову, а всей остальной части СП. ССП же, наоборот, представляет собой объединение двух или нескольких структурно самостоятельных предложений с целью противопоставить их как единое целое соседним предложениям или их объединениям: *He bent over the child. She was quiet now and her eyes were closed. She did not know what had become of the doll*. СП может выступать как СПП и ССП, но СПП — это единица синтаксического уровня, которая, за исключением редких случаев парцелляции, функционирует как цельная единица и на актуальном уровне. Что же касается ССП, то его на синтаксическом уровне не существует, оно появляется только на актуальном уровне, не отличаясь в этом отношении от сверхфразовых единств, абзацев и других единиц гиперсинтаксиса<sup>5</sup>.

Проблема СП, кроме исследования сущности ССП и СПП, включает еще вопросы о бессоюзии и других типах связи между частями предложения.

До сих пор в отечественном синтаксисе господствует восходящая к С. О. Карцевскому и Н. С. Поспелову концепция, согласно которой СП делится в первую очередь на коннекторно-конъюнкторные предложе-

<sup>5</sup> Отдельные ССП могут становиться единицами синтаксического уровня, например, когда их части связаны: *not only — but (also), once — and*. С другой стороны, не все контактно расположенные самостоятельные предложения с сочинительными союзами между ними можно объединить в ССП из-за несовместимости их содержания [28]. Все это, однако, не меняет положения об отсутствии структурных связей между частями ССП.

ния и предложения, в которых связь между частями не маркирована. У последних нет отстоявшихся эксплицитных средств отграничения подчинения от сочинения. Только на втором уровне классификации коннекторно-конъюнкторные СП делятся на ССП и СПП, а в бессоюзных предложениях противопоставление сочинения и подчинения считается снятым [5, с. 35—38; 29]. Такая концепция представляется нам неправомерной. Совершенно неприменима она для современного английского языка, где широко используется принцип нулевой позиции, в частности, нулевые коннекторы. Нулевым коннектором или конъюнктором оформляются самые разнообразные конструкции, но в английском языке нуль в них факультативен, т. е. в предложение можно вставить союз или другой коннектор или конъюнктор, который эксплицирует связь. Это заметил еще Г. Суит, который классифицировал асиндетические СП согласно природе формального слова, необходимого, чтобы превратить их в синдетические [30]. Отсутствие союза или его эквивалента компенсируется иными средствами связи: строением частей СП, глагольными словоформами, пропуском позиции, интонацией и т. д. Поэтому вполне обосновано рассматривать асиндетические СП как варианты синдетических ([31], ср. также работы В. И. Кодухова, В. В. Щеулина, А. Ф. Кулагина и др.). Случаи синкретизма, в которых тест на введение коннектора или конъюнктора не эффективен, остаются амбивалентными при любой классификации, и их не так уж много. Показательны работы, в которых декларируется первичность оппозиции «синдетон — асиндетон», а при выделении конкретных разновидностей бессоюзных СП используется критерий подстановки пропущенного средства связи (например, [32]).

Противопоставление ССП и СПП не исчерпывает возможностей комбинации ПЕ в составе СП. В другой своей работе мы предложили противопоставлять подчинительные связи не сочинительным, а более свободным и разнообразным горизонтальным [33], к которым, кроме сочинения, относится еще уточнительная, аппозитивная и некоторые другие связи. Вопрос этот требует разработки, но уже сейчас очевидно разнообразие пояснительно-уточнительных зависимостей между частями СП.

Последовательная теория и полная классификация СП — дело будущего. Они должны базироваться на постулатах, единых для синтаксических построений внутри и вне базы. Мы рассмотрели несколько деталей этой теории и классификации.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений (к вопросу о предмете синтаксиса). — ФН, 1961, № 3, с. 33.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 60.
3. Головин Б. И. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия. М., 1969, с. 82—85.
4. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966, с. 179.
5. Karcevski S. Sur la parataxe et la syntaxe en russe. — CFS, 1948, 7, p. 33—34.
6. Чесноков П. В. Неогумбольдтианство. — В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977, с. 55.
7. Кручинина И. Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. — ВЯ, 1973, № 2, с. 115.
8. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логические проблемы). М., 1976, с. 75.
9. Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959, p. 546, 582.
10. Минкин Л. М. К вопросу о возможности реализации синтаксической системы языка и речи. — Ин. яз. в шк., 1978, № 5, с. 27.
11. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
12. Иофик Л. Л. Существует ли сложносочиненное предложение в английском языке? (К вопросу о форме предложения). — ФН, 1958, № 2.
13. Бархударов Л. С. Способы соединения предложений в английском языке. — Ин. языки в высшей шк., 1974, вып. 8, с. 72.
14. Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979, с. 13.
15. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка). М., 1971, с. 9.

16. Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968, с. 82—92.
17. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974, с. 135, 141—144.
18. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974, с. 171.
19. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 653.
20. Hermann E. Gab es im Indogermanischen Nebensätze? Ein Beitrag zur vergleichenden Syntax. Gütersloh, 1894, S. 5.
21. Бархударов Л. С., Колшанский Г. В. К проблеме структуры сложного предложения. — В кн.: Сборник статей по языкознанию. М., 1958, с. 44
22. Brøndal V. The problem of hypotaxis. — In: Structuralist: Selected readings. Ed. by Householder J. W. Harmondsworth, 1972, p. 27.
23. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. — В кн.: Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 1956, с. 188.
24. Ильенко С. Г. О специфике главного предложения в сложноподчиненных предложениях с придаточным обстоятельственным. — Уч. зап. ЛГПИИ им. А. И. Герцена, 1958, т. 144, каф. русск. языка, с. 5.
25. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
26. Actes du X Congrès International des linguistes. II. Bucarest, 1970, p. 1003—1005.
27. Биренбаум Я. Г. Пространство вводности и придаточные предложения: Пособие по спецкурсу. Челябинск, 1976, с. 89—106.
28. Запорожцев В. И. К вопросу о разграничении компонентов сложносочиненных предложений и самостоятельных предложений. — В кн.: Вопросы грамматики и стилистики немецкого языка. Ставрополь, 1972.
29. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 338—345.
30. Sweet H. A new English grammar, logical and historical. Oxford, 1955, p. 170.
31. Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., 1961, с. 252.
32. Ишо Л. Х. Бессоюзные сложные предложения с определительной частью в современном английском языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1961.
33. Биренбаум Я. Г. Горизонтальные синтаксические связи. — ВЯ, 1979, № 5, с. 79.